

Я. С. ЛУРЬЕ

Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники

Характеристика основных летописных сводов XV в. как литературных и исторических памятников имеет первостепенное значение для исследователей истории образования единого Русского (Московского) государства. Летописи эти привлекаются почти в каждой работе, посвященной истории или литературе XV в., но специального исследования их как источников по истории данного периода пока не существует. Благодаря трудам А. А. Шахматова и его последователей, в первую очередь М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова, в значительной степени установлены взаимоотношения между сводами XV в. Однако выводы этих исследователей далеко не всегда и не полностью учитываются в исследованиях по истории литературы и по истории; чаще всего летописные повести и известия рассматриваются сами по себе — независимо от сводов, в составе которых они дошли до нас.

Известно, что летопись, как и любой источник, может быть привлечена с двумя исследовательскими целями: во-первых, как свидетельство, на основе которого возможно установление конкретного факта или группы фактов, и, во-вторых, как памятник культуры и общественной мысли определенной эпохи («исторический остаток», «остаток прошлого»). Вторая из указанных задач редко ставилась в науке XVIII—XIX вв., склонной к несколько механическому разделению источников на «истинные» и «ложные». Историки XIX в. обратили внимание на то, что источник, даже сообщая неверные или тенденциозные сведения об определенных событиях, представляет значительный интерес, так как его рассказ характеризует самый памятник, его тенденции, назначение, идеологию автора и т. д. Изучение летописи как литературно-политического памятника получило распространение в литературоведческих исследованиях XX в., все более обособляющихся от чисто исторического источниковедения.

В принципе, конечно, подход к памятнику как к «остатку прошлого» не противоречит и подходу к нему как к источнику. Летописи XV в. являются, бесспорно, основным источником по политической истории этого периода. Но, обращаясь к летописным, как и ко всяким иным источникам, мы должны ясно разграничивать оценку их как носителей информации о конкретных фактах и как публицистических и литературных памятников.

В настоящее время историк и филолог, занимающийся историей XV в., оказывается в несравненно лучшем положении, чем его предшественники, работавшие до появления трудов А. А. Шахматова и его последователей. Вместо Никоновской и Воскресенской летописей XVI в., на которых основывалось большинство трудов XIX в., мы можем пользоваться значительным фондом летописей, непосредственно восходящих к летописанию XV в. и частью даже к первой его половине. Сопоставление этих

летописей и сравнение их с более поздними не только позволяет проверить степень их соответствия действительности, но и рисует сложную и противоречивую картину идейной борьбы в период складывания Русского централизованного государства.

Конечно, исследование летописей всего XV в. как литературных и исторических памятников — тема не одной статьи, а целой монографии. XV век — длительный и богатый событиями период, в течение которого из ряда отдельных земель и княжеств образовалось Московское государство; резко изменился за это время и характер летописания. Установление генеалогии летописных сводов этого времени — необходимое, но недостаточное условие для привлечения отдельных рассказов и известий летописей в качестве источников по истории отдельных событий и для характеристики самих летописных рассказов. Даже построение общей генеалогической схемы дошедших до нас сводов этого времени¹ не дает исследователю всех необходимых данных о фонде источников, отражающих данное событие и данный период. Стемма (см.: ТОДРЛ. Т. 40) по самой своей структуре призвана показать взаимоотношения летописей в целом; она может указать на то, что тот или иной памятник восходит к нескольким протографам, но в какой именно части летописи отражен один свод, а в какой — другой, стемма не сообщает. Если представить себе хронологию летописных известий как некий вертикальный ряд, то этот ряд необходимо разрезать на горизонтальные слои, или пласты, относящиеся к одному периоду и включающие несколько различных летописей, которые могут быть сходны, а могут и противостоять друг другу. Такой «послойный анализ» не противостоит исследованию свода в целом и его взаимоотношений с другими сводами; напротив, он основывается на соответствующем текстологическом исследовании и вытекает из него.² Но для изучения конкретных летописных текстов как литературных и исторических памятников «послойный анализ» совершенно необходим.

При исследовании летописных известий первой половины XV в. могут быть намечены по крайней мере три больших исторических периода: известия о событиях с конце XIV в. по 1425 г., с 1425 по 1479 г. и с 1479 по 1505 г. В настоящей статье речь будет идти о наиболее раннем из этих периодов: с 1389 по 1425 г.

* * *

Первой среди летописей начала XV в. должна быть, естественно, названа Троицкая летопись (далее — Тр.), доведенная до 6917 (конца 1408) г. (нашествие Едигея) и составленная, очевидно, вскоре после этого года.³ Но Тр., как известно, погибла в 1812 г. и нам недоступна. Совпадение обильных цитат из Тр., приведенных в «Истории» Н. М. Карамзина, с текстом Симеоновской (далее — Сим.) и нескольких других летописей дало возможность М. Д. Приселкову реконструировать текст

¹ Ср.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205.

² О необходимости изучать все изменения текста «послойно», «по различным эпохам» см.: Лихачев Д. С. Основные принципы текстологических исследований памятников древнерусской литературы // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 226. Согласившись с этим принципом, немецкий исследователь Г.-Ю. Грабмюллер напрасно, однако, на наш взгляд, противопоставляет «послойный анализ» («Schichtenanalyse») сравнительно-текстологическому методу в трудах А. Н. Насонова (G r a b m ü l l e r H. J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1977. S. 21, 96; ср. нашу рецензию на эту книгу в журнале «Russia Mediaevalis». 1977. III. S. 88—90.

³ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (далее ссылки на эту летопись, как и на все остальные, даются на годы от С. М. в тексте).

Тр. Но, к сожалению, именно в интересующей нас последней части за последнее десятилетие XIV и начало XV в. цитаты Карамзина почти не имеют совпадений с Сим. и со сходным с нею Рогожским летописцем (далее — Рог.). Реконструкция М. Д. Приселкова, как он сам отмечал,⁴ имеет в этой части наиболее предположительный характер.

Начиная с 6899 (1391) г. М. Д. Приселков решил положить в основу издания наряду с цитатами из Н. М. Карамзина — как данными с прямой ссылкой на Тр., так и не аннотированными Карамзиным, — текст Московского великокняжеского свода (цитируя его не по неизданному тогда Московскому своду конца XV в., а по близкой к нему Воскресенской летописи),⁵ но продолжал привлекать, довольно широко, тексты Сим. и Рог. Однако исследование, давшее М. Д. Приселкову основание относить неаннотированные цитаты Карамзина к Тр., не сохранилось, а аргументированность предположений исследователя в каждом случае вызывает вопросы. Надежной основой для суждения о тексте Тр. за 1390—1408 гг. остаются только аннотированные цитаты Карамзина.⁶

В Сим. и близком к ней Рог. с 6898 (1390) по 6920 (1412) г. содержится текст общерусского летописного свода, составленного, очевидно, в Твери, судя по ряду известий об этом княжестве. Состав Сим. сложен: после 6920 г. здесь следуют известия Московского великокняжеского свода конца XV в., начинающиеся с нового изложения 6918—6920 гг.; из того же источника конца XV в. заимствованы и некоторые более ранние известия.⁷

Связь свода 1412 г., читающегося в Сим. и Рог., с Тверью подтверждается некоторыми совпадениями между этим сводом и более поздним памятником — летописной компиляцией 30-х гг. XVI в., включающей ряд тверских известий и получившей в науке наименование Тверской летописи, или Тверского сборника.⁸

Следующим этапом общерусского летописания можно считать идентичный текст двух летописей, каждая из которых дошла в нескольких редакциях и множестве списков, — это СИЛ и НИВЛ, наиболее первоначальный вид которой сохранился в Новгородской Карамзинской (далее — НК) летописи. НК и НИВЛ отличаются от СИЛ лишь рядом явно вторичных добавлений новгородского происхождения. Совпадения заканчиваются на 6926 (1418) г. Значит ли это, что лежащий в основе обеих летописей свод был составлен в 1418 г.? Только в СИЛ старшей редакции текст заканчивается 1418 г., но и здесь помещены, без новой даты, известия, доходящие до 6927 (1422) г. В СИЛ младшей редакции текст продолжен до 6964 (1456), а с дополнениями — и до 6979 (1471) г.; в НК — до 6936 (1428) г.; в НИВЛ — до 70-х гг. XV в. Наиболее вероятным представляется датировка общего протографа СИЛ и НК—НИВЛ серединой XV в. (временем феодальной войны в Московском княжестве) и определение его как общерусского митрополичьего свода, составленного, возможно (частично или полностью), в Новгороде.⁹

⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. . . С. 44—46.

⁵ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 437, примеч. 1. Однако далее в издании текст еще несколько раз восстанавливается по Сим. (с. 438, примеч. 1; с. 446, примеч. 1; с. 450, примеч. 3; с. 455, примеч. 6); дополнения из Воскресенской (и иногда из Никоновской) даются вплоть до 6916 г. (нашествие Едигея) в прямых скобках (с. 438—461).

⁶ Ср.: Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 4—5.

⁷ Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18; Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, ч. 1.

⁸ Тверской сборник // ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Ср.: Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 295—297.

⁹ Софийская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5 (второе издание 1925 г. не завершено и не включает известий разбираемого периода); Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Пг., 1915; Л., 1929. Т. 4, ч. 2; Новгородская Карамзинская летопись не издана (ГПБ, F.IV.603). Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121.

Довольно краткий и не очень богатый общерусскими известиями свод содержится и в Белорусско-литовских (или Западно-русских) летописях (Супрасльская и др.), основной текст которых доведен до 6954 (1446) г.¹⁰ Бедны общерусскими известиями Московско-Академическая летопись, последняя часть которой представляет собой Ростовский летописный свод, доведенный до 6927 (1419) г.,¹¹ НПЛ младшего извода, доведенная до 40-х гг. XV в. (НПЛ старшего извода заканчивается XIV веком),¹² и Псковские летописи, наиболее ранняя из которых, ППЛ, доходит до 6977 (1469) г.¹³

Перечисленным летописям, опирающимся на традицию начала XV в. и не обнаруживающим черты более поздней официальной московской обработки, противостоит общерусское летописание второй половины XV и XVI в. Это — свод, доведенный до 1472 г. и сохранившийся в Никаноровской, Вологодско-Пермской и сходных с ними летописях, его более поздняя, переработка — Московский свод 1479 г. Свод 1472 г. основан на СПЛ старшей редакции, но здесь систематически переделаны все ее известия, относящиеся к новгородским вольностям.¹⁴ В своде 1479 г. переделка текста СПЛ имела совсем иной, куда более систематический характер. Источник свода 1479 г. вплоть до 6926 (1418)—6931 (1423) гг. — очень сложная компиляция (созданная, по всей видимости, при великокняжеском дворе), соединяющая СПЛ (свод 1448 г.) с Тр. и рядом других источников; известия о новгородских вольностях здесь вновь проредактированы (но иначе, чем в своде 1472 г.).¹⁵

Близость к своду 1479 г. обнаруживает не только все последующее великокняжеское (а потом и царское) летописание (Воскресенская, Никоновская и др.), но и ряд летописей последней трети XV в. (Ермолинская, Типографская и др.).

В своей последней части, с 6933 (1425) по 6980 (1472) г., и в некоторых известиях начала X—конца XI в. Ермолинская летопись основывается на каком-то весьма независимом и оригинальном летописном своде, отразившемся также в летописи, получившей в нашей археографии наименование Сокращенного свода конца XV в. (или Сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг.), в Устюжской летописи и в некоторых других. Очевидно, такое своеобразие известий Ермолинской летописи за середину XV в., а также более краткий (по сравнению с другими летописями) и менее обильный риторическими оборотами характер изложения в ней служат причиной того, что и при исследовании известий конца XIV—начала XV в. историки рассматривали рассказы Ермолинской как наиболее ранние и первоначальные версии.¹⁶ Но в той части текста, которая предшествует 6933 (1425) г., в частности, в разделе за 1389—1425 гг., текст Ермолинской восходит не к тому независимому источнику, который отразился после этого года, а оказывается сокращенной версией прото-

¹⁰ Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121. Белорусско-литовские летописи // ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17; М., 1980. Т. 35.

¹¹ Московско-Академическая летопись // ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1, вып. 3.

¹² Н а с о н о в А. Н. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 403—427.

¹³ Псковские летописи. М.; Л., 1941—1955. Вып. 1, 2.

¹⁴ Никаноровская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 17—164; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

¹⁵ Московский свод (редакция 90-х гг.) // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Ср.: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 255—260, 274—274; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 150—167.

¹⁶ Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. Ср.: Т и х о м и р о в М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 345—346; 2) Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 247—249; Ч е р е п н и н Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 470—474, 596, 619—620, 632—637, 715—716.

графа Московского свода 1479 г.¹⁷ Следуют Ермолинской летописи в этой части компилятивный «Летописец от 72-х язык» и, в значительной степени, Львовская летопись XVI в.¹⁸ В тексте Сокращенных сводов и Устюжской летописи за конец XIV—начало XV в. мы, напротив, не находим следов влияния протографа Московского свода; возможно, что в Сокращенных сводах и Устюжской сохранились тексты их общего с Ермолинской протографа (по-видимому, Кирилло-Белозерского свода начала 70-х гг. XV в.), которые утрачены в Ермолинской.¹⁹

Типографская летопись в разделе о событиях 1389—1425 гг. восходит, очевидно, непосредственно к Московскому своду 1479 г., но в ней обнаруживаются также некоторые, иногда существенные, дополнения.²⁰

* * *

Разбор конкретных, наиболее интересных сообщений летописей первой половины XV в. естественно начать с известий о вступлении на престол Василия Дмитриевича и последовавшем почти сразу же за его вокняжением присоединения Нижнего Новгорода.

Трудно с уверенностью установить, что сообщалось об известиях 6893 (1385)—6899 (1391) гг. в Тр. — Карамзин приводит лишь несколько прямых цитат из нее за эти годы. Нет оснований предполагать, что текст ее существенно отличался от соответствующего текста Сим.—Рог. Так же как и Сим.—Рог., Тр., очевидно, сообщала под 6893 г. о бегстве Василия I из Орды и под 6894 г. — о его возвращении через Подольскую землю, под 6897 г. — о смерти Дмитрия Ивановича и посадении на престол его сына «царевым» (ханским) послом; прямыми ссылками Карамзина на Тр. подтверждается наличие в этой летописи (как и в Сим.—Рог.) под 6989 г. рассказа о приходе Киприана на Русь и известия о жемчужине Василия I на Софии Витовтовне.

Но уже с 6900 (1392) г. в Тр., судя по Карамзину, читались известия, которых нет в Сим.—Рог.²¹ Это обширное рассуждение о «суровости» и непокорстве новгородцев, подкрепленное конкретным примером войны 6901 (1393) г., известие о смерти в 6902 (1394) г. великого князя Бориса Константиновича, похороненного «в Суждали, в своей отчине», о бегстве его племянников Василия и Семена Дмитриевичей в Орду и о походе на Нижний Новгород с татарами, совершенном после этого Семеном Дмитриевичем, когда татары «створиша леть» (нарушив клятву), разграбили город, а Семен оправдывался: «Не аз емь сотворивый се, но татарове»; при известии о походе Василия I татары и Семен бежали. Как было датировано в Тр. это последнее событие, неясно: Карамзин в примечании со ссылкой на Тр. приводил рассказ о нападении Семена на Нижний Новгород в подборку к известиям 6902 (1394) г. о смерти Бориса Константиновича и бегстве его племянников в Орду, но в другом примечании он же указывал, что «по Троицк<ой> лет<описи> и другим, Симеон взял Нижний в 1399 году, а по некоторым — еще в 1395; первое летосчисление достовернее».²²

В Сим.—Рог. уже под 6899 (1391) г. читается известие, которое не подтверждено цитатой Карамзина из Тр. и которого, вероятно, там не

¹⁷ Насонов А. Н. История русского летописания... С. 260—271; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 168—174.

¹⁸ Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1; Летописец от 72-х язык // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28.

¹⁹ Сокращенные своды конца XV в. // ПСРЛ. Т. 27. С. 163—367; Устюжская летопись // ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.

²⁰ Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.

²¹ Перечень аннотированных цитат из «Истории» Карамзина с 6900 по 6916 г. см. в приложении к Сим. // ПСРЛ. Т. 18. С. 279—283.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 5. Примеч. 145. 175.

было: о приходе из Орды «великого князя Нижнего Новгорода» Бориса Константиновича. О новгородцах и их походах на Волгу и на Устюг сообщается под 6899 (1391)—6900 (1392) гг. без того резкого осуждения Новгорода, которое содержится в Тр. После этого в Сим.—Рог. под 6900 г. помещен развернутый рассказ об отказе Василия I от «крестного целования» Борису Константиновичу, о его поездке в Орду к «царю Тактамышю» для получения Нижнего Новгорода и его занятия татарами и «боярами москвичами», когда старейший боярин Бориса Константиновича Суздальско-Нижегородского Василий Румянец предал своего государя. Органическая связь этого рассказа с текстом всего общерусского свода 1412 г., созданного в Твери, подтверждается тем, что он, хотя и в сокращенном виде, оказался переданным и в Тверском сборнике.²³ Рассказ Сим.—Рог. о захвате Василием I Нижнего Новгорода был заимствован и другой летописью XVI в. — Никоновской, одним из основных источников которой была Сим.; при этом, однако, были опущены слова о том, что обращение к татарам означало «кровопролитье» и «погибель христианскую»; опущено и осуждение Румянца, — напротив, этот боярин доказывает своему господину, что «царев посол Тактамышев» и бояре великого князя хотят «мира подкрепить и любовь утвердить вечную».

М. Д. Приселков, реконструируя текст Тр., включил в начало статьи 6900 г. и рассказ Сим.—Рог. с осуждением завоевания Нижнего Новгорода. Едва ли это справедливо. Карамзин, описывая это событие, пересказывает его по Никоновской летописи (включая речь Румянца о добрых намерениях царева посла и московских бояр), несмотря на свое сугубо критическое отношение к ней; если бы в его распоряжении был рассказ Тр., дающий прямо противоположный по оценке рассказ об этих событиях (текст, какой мы читаем в Рог.—Сим.), он не преминул бы об этом сообщить. В примечании к соответствующему тексту Карамзин прямо ссылается на Никоновскую,²⁴ упоминает еще известие «некоторых летописей» (очевидно, СЛ—НУЛ) о двукратном путешествии Василия I в Орду и его походе на племянника Бориса Семена. Отвергая известие Никоновской о таком же двукратном путешествии, историограф замечает: «. . . главная современная летопись Василиева княжения есть Тропичкая, где нет ни слова о сем мнимом вторичном путешествии». Но это замечание никак не может свидетельствовать об идентичности рассказа Тр. и Сим.—Рог., ибо и из рассказа Сим.—Рог. также можно заключить, что Василий I ездил в 6900 г. в Орду дважды: перед известием о завоевании Нижнего Новгорода летописец сообщает, что Василий Дмитриевич «пойде в Орду к царю Тактамышю», затем Василий I был в Нижнем, приказал «развести по градом» князя Бориса с семьей и, наконец, «возвратися в своями в Москву»; ниже сообщается, что «месяца октября в 20 день прииде князь великий Василей Дмитриевич на Москву, посажен богом и царем», — отсюда вытекает, что перед 20 октября он уезжал (очевидно, в Орду).

О бегстве Василия и Семена Дмитриевичей в Орду Сим.—Рог. сообщают под 6901 (1393) г., ранее известия 6902 (1394) г. о смерти «князя великого Суздальского Бориса»; в Тр., судя по Карамзину, порядок изложения этих событий был обратным. О походе Семена на Нижний Новгород Сим.—Рог. не упоминают.

В СЛ—НУЛ под 6897 (1389) г. после обширного «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго»

²³ Ср.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 148; Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. С. 297. Среди известий Тверского сборника за конец XIV в. под 6898 (1390) г. читается известие о женитьбе Василия I: «Женися Василий у Витовта, Софию поня добрую; добрый прав име отец, не сыта бе блуда». Дата совпадает с Сим.—Рог., но известие о поведении Софии Витовтовны уникально.

²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. Примеч. 144.

говорится, что сын его «князь Василей Дмитриевич уха от царя Тактамыша за Яик».²⁵ Датировка и детали следующих за 6897 г. событий несколько расходятся в СІЛ и НІВЛ (включая первоначальную версию НІВЛ, сохранившуюся в НК). В обеих летописях известию 6898 (1390) г. о приходе Киприана на Русь предшествует известие о смерти его соперника Пимена в Киеве, но в НІВЛ перед этим помещена еще грамота патриарха Антония о низложении Пимена (полностью переданная только в НК). Очень существенно, что история вокняжения Василия I и его похода на Нижний как-то связывается здесь с событиями в Орде, когда «на Тактамыша приходи царевич (НК—НІВЛ — «исполин») из Шамахинской (НІВЛ — «Шамархийской») земли, и бысть им бой силен». НК—НІВЛ относят это событие к 6898 (1390) г. и непосредственно связывают его с приходом «Улана царевича», посадившего Василия I на престол (в НК сразу после упоминания боя с «исполином» сообщается о приходе Василия Дмитриевича «в отчину свою на Москву», а потом о его посажении на престол).²⁶ В СІ известие о «Шамахинском царевиче» помещено ниже, под 6900 (1392) г., и примыкает к известию о поездке Василия I к Тохтамышу (в НК—НІВЛ о поездке в 6900 г. тоже упоминается). Сообщая о поездке Василия I к Тохтамышу, СІЛ—НІВЛ говорят о получении им «великого княжения», а не Нижнего Новгорода, и лишь затем сообщается, что Василий I пошел «под Нижний Новгород ратию, и взя город за себе, а князи и княгини пойма в полон, а князь Семен Дмитриевич убежа в Орду».²⁷ Женитьбу Василия I на Софии Витовтовне СІЛ—НІВЛ датируют 6900 г., а под 6901 (1393) г. рассказывается о поездке Василия I «вдругий ряд» к Тохтамышу, о пожаловании (задним числом?) ему Нижегородского княжества и о смерти Бориса Константиновича; под 6903 (1395) г. обе летописи сообщали о нападении Семена Дмитриевича совместно с татарами на Нижний Новгород (в НК—НІВЛ говорилось даже о том, что Василий I воевал с Семеном Дмитриевичем из-за Нижнего Новгорода дважды — в 6901 и 6903 гг.).²⁸ Известие СІЛ—НІВЛ 6903 г. сходно с Тр. («сътвориша леств. . .»), оправдания Семена: «не аз. . . но татарове») и, очевидно, было заимствовано из свода 1408 г.

Текст великокняжеского свода 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи) за 6897 (1389)—6903 (1395) гг. полностью соответствует тексту СІЛ.

Совсем по-иному, чем в СІЛ, изложены события тех же лет в великокняжеском своде 1479 г. (Московском своде конца XV в.). Под 6893 г. здесь сообщаются (как в Сим.—Рог.) о бегстве Василия I из Орды и под 6894 г. о его возвращении через Подолию. Под 6897 (1389) г. содержится не только ряд известий, сохранившихся в Сим.—Рог. и, очевидно, читавшихся и в Тр. — путешествие Бориса Константиновича Суздальско-

²⁵ О пребывании Василия Дмитриевича в Орде, его бегстве в Подольскую землю и возвращении с «лятскими князьями» сообщалось и в Сим.—Рог., но там эти события были помещены еще до известия о смерти Дмитрия — под 6891 (1383)—6895 (1387) гг. Карамзин, датировавший эти события 1383—1386 гг. (К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 62. Примеч. 113), не ссылаясь на Тр., хотя в этой части она в основном идентична Сим.—Рог.

²⁶ В НК и НІВЛ известие о вступлении Василия I на престол, как и ряд других известий, дано дважды — в начале и середине 6898 г.; первая версия заимствована из НІЛ (в НК эта дублировка особенно явственна, так как во втором случае говорится о приходе Василия I «в отчину свою на Москву»; в связи с характерным для НК разделением годовых статей на две выборки первое известие, читающееся в НІВЛ в начале года, попало в первую, а второе — во вторую выборку).

²⁷ В НК—НІВЛ и это известие удвоено, причем первая версия (в НК — в первой выборке) заимствована из НІЛ: под ее влиянием вместо «в полон» в обеих версиях читается «в таль».

²⁸ Любопытно, что в НК составитель, разбиравший текст на две выборки, не заметив этих дублировок, поместил обе в одной (второй) выборке. Ср. в связи с этим: Л у р ь е Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 201—206, 215—216.

Нижегородского в Орду, поход Тохтамыша на Темир-Кутлуя, — но и упоминание о том, что Василий Дмитриевич был посажен во Владимире «на столе отца своего и деда и прадеда» ханским послом Шихоматом. Под 6898 (1390) г. известие о приезде Киприана дано без всякой связи с упоминанием о Пимене, о смерти которого сообщалось под предыдущим годом. Под 6898 г. сообщается о женитьбе Василия на Софии. Под 6899 (1391) г. в своде 1479 г., как и в Сим.—Рог., сообщено о возвращении из Орды князя Бориса Константиновича. Под 6900 (1392) г., как и в С1 и в своде 1472 г., сообщается о «бое» Тохтамыша с «Шамархийским царевичем» и о поездке Василия в Орду, но никакого упоминания о последовавшем за поездкой походе на Нижний Новгород, пленении князей и бегстве Семена нет. О пожаловании Василию Нижнего Новгорода свод 1479 г. упоминает под тем же годом, но несколько позднее (после известия о смерти Сергия Радонежского) в связи с развернутым сообщением о возвращении Василия I из Орды: «. . . многу честь от царя прием. . . еще же предасть ему к великому князенью и Новъгород Нижний и Городец. . . Толику же честь прият от царя, яко же ни един от прежних князей не прият ни у которого царя». И опять не непосредственно после этого сообщения, а после новой группы известий мы читаем: «. . . князь великий Василий Дмитриевич иде с Москвы в Новъгород Нижней, и с ним бояря его старейшии. . . и паки возвратися в Москву, наместничество приказав Дмитрею Александровичю Всеволожу». Как мы видим, здесь нет ни слова ни о «рати», ни о Борисе Константиновиче, ни о его племянниках. Упоминание о них появляется лишь под 6902 (1394) г.: свод 1479 г. сообщает сперва о смерти Бориса Константиновича, похороненного «в Суздале в своей отчине», а уже затем — о бегстве его племянников Василия и Семена. Сходно с Тр. (и с той же странной неопределенностью в датировке) сообщалось в Московском своде о нападении Семена на Нижний Новгород.²⁹ Совпадение с Тр. в расположении и текстах всех этих известий дает основание предполагать, что они заимствованы великокняжеским летописцем из свода 1408 г. (как и известие Московского свода 6901 г. о враждебных действиях новгородцев).

И в Ермолинской и в Типографской летописях находим тот же комплекс известий, что и в своде 1479 г., но с некоторыми сокращениями. Под 6897 (1389) г. в обеих летописях нет известий о походе Бориса Константиновича в Орду, а под 6898 (1390) г. — о его возвращении оттуда; под 6897 г. нет упоминания о походе Тохтамыша на Темир-Кутлуя, а под 6900 г. — о его войне с «Шамархийским царевичем». О походе Семена Дмитриевича на Нижний Новгород в обеих летописях сообщается под 6907 (1399) г. Сокращение текста Московского свода было произведено обеими летописями, по всей видимости, совершенно независимо друг от друга: пропущены в них часто совершенно разные известия великокняжеского свода (так, в Ермолинской сохранено под 6900 г. упоминание о том, что Василий I получил от царя такую честь, «яко же ни един от прежних князей», а в Типографской этих слов нет; в Типографской зато сохранилось упоминание, которого нет в Ермолинской, что в Нижний с Василием пришли «бояре его старейшии»). Сократив, подобно Типографской, наряду с рядом известий также и многие этикетные формулы Московского свода, Ермолинская вместе с тем полностью воспроизвела и

²⁹ В двух списках, отражающих наиболее первоначальный текст свода 1479 г. (Эрмитажный список — ГПБ, Эрмитажное собр., № 4166; Архивский список, или так называемая Ростовская летопись, — ЦГАДА, ф. 181, № 20 (25)), рассказ о нападении Семена на Новгород датируется 6907 (1399) г.; в Уваровском списке, отражающем редакцию 90-х гг., он помещен под 6903 (1395) г., но на поле приписано: «Зри, сия война была в лето 907, а се написано зде с летописца с нового харатьянаго, и яз не усмотрих сего, что тамо же» (ПСРЛ. Т. 25. С. 225, примеч. б). Поправка последней редакции Московского свода воспроизведена в Погодинском виде Сокращенного свода (ПСРЛ. Т. 27. С. 263). Ср. так же ниже, примеч. 42.

содержание известий великокняжеского свода и их порядок. Во Львовской летописи текст в основном идентичен Ермолинской, но под 6900 (1392) г. перед известием о поездке Василия в Орду указано: «Того же лета сложил целование князю великому Борис Константиновичю князь великий Василий Дмитриевич. . .», а в конце года (после сообщения о пожаловании Василия Дмитриевича Нижним Новгородом) упоминается, что великий князь «иде на Новгород Нижней ратью. . .», а князь Семен Дмитриевич убежал в Орду, а князю его князь великий поимал». Второе из этих известий читается под 6901 г. и в близкой к Львовской (и тоже основанной в этой части на Ермолинской) СПЛ (Воскресенский список).³⁰

Сокращенные своды излагают эти события иначе, чем Московский свод 1479 г. и зависимые от него летописи. Под 6897 (1389) г. здесь сообщается о смерти Дмитрия Ивановича, но нет ни слова о Василии; под 6898 (1390) г. в двух первоначальных видах этого свода³¹ сообщается о той грамоте патриарха, текст которой приводился частично в НІVЛ и полностью в НК. И только под тем же 6898 г. Сокращенные своды впервые сообщают о появлении Василия в Москве, связывая его приезд с событиями в Орде: «А на Тахътамыша царя прииде ин царь силен из Шамахейския земли бысть сеча велика. А князь Василий Дмитриевич утече за Яик и прииде на свою вотчину на Москву. И после из Орды прииде посол улан-царевич и посади князя Василиа Дмитриевича на великое княжение». Изложение ряда событий 6900 (1392) г. (женитьба Василия на Софии Витовтовне, поездка в Орду и поход на Нижний Новгород, бегство Семена) совпадает с СПЛ—НІVЛ (как и НК—НІVЛ, Сокращенные своды сообщали о двух походах «ратью» на Семена Дмитриевича — в 6901 и 6903 гг.).

Устюжская летопись в основном сходна с Сокращенными сводами (за исключением известий 6901 г. о походах на Семена, отсутствующих в ней), но рассказ о 6898 (1390) г. (о поражении Тохтамыша и бегстве Василия из Орды) более подробен и красочен: «. . . утече у сечи тое за Яик реку и за Волгу. И бежа за Дон, блюдяся погони, и вожи облудилися, и прибеже на Киев. А в ту пору случися на Кieve быти великому князю литовскому Витовту Кестуевичю. И сотвори великому князю Василию Дмитриевичю велию честь, пиры и дары почти его, и на пиру рече ему Витовт: „Князь великий Василей Дмитриевичь, женися у меня и яз тебя пушу к Москве; а не женишися, и яз тебя пошлю опять ко царю в Орду, или здесь ты добр“. И размысли себе князь великий Василей Дмитриевичь, и обруча у Витовта Софью княжну. . .» Перед нами, очевидно, уже вторичная, фольклоризованная версия любопытного сообщения Сокращенного свода, относившего появление Василия в Москве ко времени смерти его отца и связывавшего его с войной в Орде.

Главный вывод, который может быть сделан из сопоставления этих рассказов, — это полная самостоятельность двух наиболее ранних источников, повествующих о событиях после смерти Дмитрия Донского: Тр. и Сим.—Рог., и частичная — СПЛ—НІVЛ (лишь некоторые известия здесь совпадают с Тр., совпадающей с Сим.—Рог. нет).

Для того чтобы представить себе различия между известиями о вокняжении Василия I и присоединении Нижнего Новгорода, сопоставим основные из этих известий в Тр., Сим.—Рог., СПЛ—НІVЛ, а также в Московском своде:

³⁰ В древнейшем Архивском списке СПЛ текст до 6905 г. утрачен (ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 223—228, 231).

³¹ Это упоминание содержится в двух наиболее первоначальных видах Сокращенного свода — неизданном Соловецком (Соловецкий список — ГПБ, Солов. собр., № 922/1032) и Мазурийском виде («своде 1495 г.»); в Погодинском виде этого упоминания нет (ср.: ПСРЛ. Т. 27. С. 335; ср. с. 257).

Тр.	Сим — Рог.	СИЛ—НИВЛ	Московский свод
Идентично с Сим.—Рог (?)	6893 (1385) г Бегство Василия I из Орды.	6893 г. <Иные известия.>	6893 г Бегство Василия I из Орды
	6894 (1386)—6895 (1389) гг Возвращение Василия I в Москву через Подолию	6894 г. <Иные известия>	6894 г. Возвращение Василия I в Москву через Подолию
	6897 (1389) г Смерть Дмитрия Донского Поход Бориса Конст Нижегородского в Орду Посажение Василия I на престол послом Шихматом	6897 г Смерть Дмитрия Донского Бегство Василия I из Орды за Яик	6897 г Смерть Дмитрия Донского Поход Бориса в Орду Посажение Василия I на престол послом Шихматом
	6898 (1390) г Женитьба Василия I на Софии.	6898 г Поход на Тохтамыша «исполина» из «Шамархинской земли» НК—НИВЛ Приход Василия I в Москву (НК)	6898 г. Женитьба Василия I на Софии
	6899 (1391) г Приход из Орды Бориса Константиновича	6899 г Посажение Василия I на престол Уланом царевичем.	6899 г Приход из Орды Бориса.
	6900 (1392) г Отказ Василия I от «крестного целования» Борису Поездка в Орду к Тохтамышу Присоединение Нижнего Новгорода и низвержение Бориса Приезд Василия I в Нижний Новгород и возвращение в Москву Приезд в Москву Василия I, «посаженного богом и царем»	6900 г Женитьба Василия I на Софии Поход «Шамахийского царевича» на Тохтамыша (СИЛ) Поход Василия I в Орду; выход на «великое княжение» Поход на Нижний Новгород ратью, пленение князей, бегство Семена Дмитриевича	6900 г Приход «Шамархийского царевича» на Тохтамыша. Поход Василия I в Орду; «многая честь» и получение Нижнего Новгорода. Поход на Нижний Новгород
	6901 (1393) г Бегство суздальских князей Василия и Семена в Орду.	6901 г. Поход Василия I «вдругый ряд» в Орду, выход на великое княжение. Смерть Бориса. Поход ратью на Семена Дмитриевича (НК—НИВЛ).	6901 г. <Известия об иных событиях, частично совпадающие с Тр.>
6902 (1394) г. Смерть Бориса в Суздале Бегство Василия и Семена в Орду.	6902 г. Смерть Бориса в Суздале	6902 г. <Иные известия.>	6902 г Смерть Бориса в Суздале. Бегство Василия и Семена в Орду
6903 (1395) или 6907 (1399) г. Поход Семена на Нижний Новгород с татарами и их уход.		6903 г. Поход Семена Дмитриевича на Нижний Новгород и отпор ему.	6903 или 6907 г. Поход Семена на Нижний Новгород с татарами и их уход при известии о походе Василия I

Сравнение Московского свода с более ранними летописями показывает, что там, где он не использует СИЛ, он приводит известия, близкие к известным фрагментам Тр.; очевидно, источником, по которому протограф

Московского свода дополнял СІ, был свод 1408 г. (Тр.). По всей видимости, изложение истории присоединения Нижнего Новгорода в своде 1408 г. было примерно таким же, каким оно оказывается в великокняжеском своде 1479 г.: сперва хан «придает» Василию Дмитриевичу Нижний Новгород и Василий посылает туда наместников, затем «в Суждали, в своей отчине» умирает Борис Константинович, и уже после этого его племянники бегут в Орду. Известия СІІ—НІVІІ, как и рассказ Сим.—Рог., независимы от официально-московской политической тенденции, но строятся они по-разному: рассказ СІІ—НІVІІ менее подробен и конкретен, но зато богаче и разнообразнее по материалу. Заслуживает внимания известие СІІ—НІVІІ о бегстве Василия Дмитриевича за Яик в 6897 (1389) г., помещенное вслед за известием о смерти Дмитрия Ивановича. То же известие, под тем же годом читается в Белорусско-литовских летописях, представляющих независимую и довольно раннюю летописную традицию. Относя к 1390—1392 гг. поход на Тохтамыша «царевича из Шамахейской земли» (речь идет о Темир-Аксаке, Тимуре), СІІ—НІVІІ (и Белорусско-литовские летописи) не связывают его с бегством Василия, как это делают (возможно, уже на основе последующего осмысления событий) Сокращенные своды; но такая связь не лишена вероятия. Согласно сообщению Шериф-ед-дина, Тохтамыш именно в 1389 г. собрал войско (включавшее и русские силы) для борьбы с Тимуром.³² Несомненно, во всяком случае, что трудное положение, в котором оказался Тохтамыш с начала борьбы с Тимуром, определяло явные колебания в его политике по отношению к русским князьям. В 6897 (1389) г., согласно Сим.—Рог., Борис Константинович вынужден был ходить на помощь Тохтамышу против Темир-Аксака; независимо от того, было ли появление Василия Дмитриевича в Москве в том же году бегством из Орды, или он приехал с разрешения хана, посажен он был на престол, даже согласно СІІ—НІVІІ, ханским послом.

Но как происходило падение политической независимости Нижегородского княжества? Л. В. Черепнин, начинающий разбор летописных источников с Ермолиной и Львовской летописей, считает известия СІІ—НІVІІ о походе Василия на Нижний Новгород «ратию» в 1392 г. и вторичной поездке в Орду в 1393 г., за которой последовало окончательное присоединение Нижнего, «перестановкой событий» и «искусственной комбинацией» летописца.³³ Едва ли с этим можно согласиться. Говоря о поездке Василия I в Орду, предшествовавшей событиям 1392 г., Сим.—Рог. упоминает о «злате» и «сребре», взятых «безбожными татарами», но не о том, получил ли московский великий князь от хана официальное пожалование Нижним Новгородом. В пользу того, что Тохтамыш не вполне одобрил пленение Бориса Константиновича и его семьи, свидетельствует известие источника, не обнаруживающего особого пристрастия к этим событиям, — НІІ. Сообщив под 6900 (1392) г., что Василий I «вышел из Орды. . . взя Нижний Новгород и пойма князей и княгинь в таль», НІІ затем указывает, что «того же лета пошел князь великий Василий Дмитриевич в Орду, позван цесарем».³⁴ В нашем распоряжении имеется и документальный источник, свидетельствующий о том, что в декабре 6902 (1393) г.,³⁵ т. е. несомненно уже после 6900 г., когда, согласно лето-

³² Ср.: Н а с о н о в А. Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 138, примеч. 2 (А. Н. Насонов ссылался на известие Шериф-ед-дина, включенное в «Материалы по истории Золотой Орды» В. Тизенгаузена, до сих пор не изданные).

³³ Ч е р е п н и н Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 664—665.

³⁴ Ср.: Н а с о н о в А. Н. Монголы и Русь. . . С. 139.

³⁵ АФВХ. М., 1951. Т. 1. № 229 (ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 12; ср.: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. №. 294, примеч.). Ср.: П р е с н я к о в А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 277, примеч. 1.

писям, Нижний Новгород был взят московскими воеводами, а князя его пленены, Борис Константинович в качестве великого князя Нижегородского давал жалованную грамоту Спасо-Благовещенскому монастырю. Напрасно отвергнув известие о двукратной поездке Василия I в Орду, Л. В. Черепнин был, однако, на наш взгляд, вполне прав, когда отмечал, что «присоединение Нижнего Новгорода к Московскому княжеству прошло не столь просто и безболезненно, как об этом говорят некоторые летописи». Об отнюдь не «безболезненном» характере этого события свидетельствуют известия о походе «ратью» и пленении всей семьи Бориса Константиновича — известия, читающиеся не только в позднем летописании, на которое в данном случае ссылался исследователь, но и в СИЛ—НИВЛ и частично в Сим.—Рог.³⁶

Следующим по времени важным событием конца XIV в., получившим отражение в летописании XV в., было нашествие Тимура (Темир-Аксака, Тамерлана). В Сим.—Рог. довольно краткое известие о «Темире Аксакше Рахманском», ходившем «на Русскую землю», дошедшем «Елча» (Ельца) и вернувшемся восвояси, явно неправильно помещено под 6906 (1398) г. (по всем остальным источникам, поход Тимура был в 1395 г.). Какой текст читался в своде 1408 г.? М. Д. Приселков в реконструкции Тр. предположительно ввел в нее текст Сим.—Рог., перенеся его только с 6906 на 6903 (1395) г. Но Карамзин, рассказывая о походе Тамерлана, не приводил каких-либо известий Тр., сходных с Сим.—Рог., и упомянул (под 1395 г.), что Василий I в память чудесного избавления от Тамерлана воздвиг храм Богородицы с монастырем на Кучковом поле, сославшись при этом на текст Тр.: «Место то было тогда на Кучкове поле, близ града Москвы на самой на велицей дорозе Володимерьской». Ни такого известия, ни такого текста нет в Сим.—Рог.

В СИЛ—НИВЛ также нет подробного рассказа о Тимуре. Под 6898 (1390)—6900 (1392) гг. эти летописи, как уже было отмечено, упоминали о приходе на Тохтамыш «царевича из Шамархийские земли» (т. е. из Самарканда, откуда пришел Тимур), а под 6903 (1395) г. они рассказывали о победе ставленника Тимура Темир-Кутлуя (Тимур-Кутлука) над Тохтамышем.

Пространные рассказы о нашествии Тимура в летописании более позднего времени были уже предметом исследования В. П. Гребенюка и И. Л. Жучковой. Возражая В. П. Гребенюку, И. Л. Жучкова пришла, на наш взгляд, к справедливому заключению, что рассказ в Московском своде 1479 г. (в своде 1472 г. текст совпадает с СИЛ) и близкие к нему рассказы Ермолинской летописи, «Летописца от 72-х язык» (Прилуцкой и Уваровской летописи) и Воскресенской (редакция Б, по классификации В. П. Гребенюка) более первоначальны, чем рассказ СИЛ и близких к ней летописей (редакция А, по В. П. Гребенюку). Непосредственный источник редакции А (очевидно, общий протограф Московского свода и Ермолинской летописи) — «особая обработка свода 1448 г.»³⁷ Но когда

³⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 664, 670—672 (Л. В. Черепнин ссылался на Львовскую и Никоновскую летописи). Возражая Л. В. Черепнину, В. А. Кучкин писал, что древнейшие летописные свидетельства опровергают существующее в литературе мнение о захвате Нижнего в результате военного похода московского государя (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 231, примеч. 226). Но СИЛ, а вслед за нею и СИЛ—НИВЛ, сообщают как раз о походе Василия I «под Нижним Новгород ратию».

³⁷ Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII вв. // Русская литература на рубеже двух веков (XVII—нач. XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; Жучкова И. Л. 1) «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. (редакция Б) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 97—109; 2) «Повесть о Темир-Аксаке» в Типографской летописи: (К вопросу о первой редакции произведения) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 82—95.

был создан и введен в летописание этот рассказ? И. Л. Жучкова отметила, что в Белорусско-литовских летописях известие о Тимуре под 6903 г. сходно с началом рассказа в «особой обработке свода 1448 г.», и именно в той его версии, которая сохранилась в «Летописце от 72-х язык» (в Ермолинской этот текст явно сокращен).³⁸ Одним из источников Белорусско-литовских летописей был свод 1408 г. (Тр.) — не читалась ли какая-то версия этого рассказа в Тр.³⁹ С другой стороны, В. П. Гребенюк обнаружил, что фраза, близкая к приведенной Карамзиным цитате из Тр.: «Место то было на Кучкове поле, на самой на велицей дорозе Володимерской», читается в той контаминированной (соединяющей чтения А и Б) редакции, которая сохранилась в Типографской летописи и отдельных сборниках.⁴⁰

Следует признать, очевидно, что сколько-нибудь современных летописных рассказов о нашествиях Тимура в нашем распоряжении нет: известия Сим.—Рог. и СИЛ—НИВЛ кратки, а текст Тр. в основном неизвестен. А это обстоятельство, в свою очередь, весьма обедняет наши представления о событиях 1395 г.

Несостоявшийся поход Тимура на русские земли имел, однако, для Руси немалое значение: Тохтамыш Тимур победил и заменил его на ордынском престоле своим ставленником Тимур-Кутлуком (об этом событии из летописей первой половины XV в. сообщили только СИЛ—НИВЛ). В 1399 г. бежавший в Литву Тохтамыш в союзе с Витовтом сделал попытку отвоевать престол; попытка эта закончилась сокрушительным поражением Витовта и Тохтамыша на Ворскле. Известия об этом событии, как и в предшествующих случаях, явно расходились в Тр. и Сим.—Рог.

Из статьи Тр. о битве на Ворскле до нас сохранены Н. М. Карамзиным только слова Витовта Тохтамышу: «. . . аз тя посажу на Орде на царстве, а ты мя посадишь на княженъи на великом на Москве», но уже эта фраза дает веские основания предполагать, что в Тр. содержался тот же самый рассказ, с той же самой фразой, который мы читаем в СИЛ—НИВЛ (и в последующем летописании) под 6906 (1398) г. Очевидно, протограф СИЛ—НИВЛ опирался в данном случае на свод 1408 г.⁴¹ Но далее в Тр., судя по Карамзину, под тем же годом сообщалось о событии, явно связанном с победой Темир-Кутлука над Тохтамышем и его окончательным укреплением на ордынском престоле: «Тое же осени сентября приде из Орды князь Михайлов кичичей именовем Ельча, а с ним посол Темир-Кутлуев именовем Бекшик да Саткин, после живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя». Речь здесь идет о ярлыке, данном тверскому

³⁸ Жучкова И. Л. «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. С. 105—106.

³⁹ Ср.: Ч а м я р ц к і В. А. Беларускія летописі як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. С. 72—76; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 38—39. И. Л. Жучкова полагает, что повести о Тимуре «в митрополичьем своде 1408 г.», судя по известиям Рогожской и Симеоновской летописей, а также близкому им сообщению Владимирского летописца, не было (Жучкова И. Л. «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. С. 104). Но текст Сим.—Рог., как мы неоднократно убеждались, в этой части совсем не сходен с Тр. Что касается рассказа Владимирского летописца XVI в., то он не совпадает с Сим.—Рог.: помещен под 6903 (а не под 6906) г.; здесь упоминается «чюдная икона владычица наша Богородица», а местом встречи Василия I и Темир-Аксака неожиданно называется «Угра» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 129).

⁴⁰ Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII вв. С. 189.

⁴¹ А. А. Шахматов предполагал, что рассказ о сражении 6908 (1399) г. с Темир-Кутлуем восходит в СИЛ и НИВЛ к тому же источнику («Полихрону 1423 г.» или своду 1448 г.), что и в НИЛ (Комиссионный список) (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов. М.; Л., 1938. С. 163). Однако текст рассказа СИЛ—НИВЛ о Темир-Кутлуе не только не совпадает в НИЛ, но и резко расходится с ним по тенденциям: в НИЛ зачинщиком столкновения объявлялся Темир-Кутлуй, а в СИЛ—НИВЛ—Витовт (ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 91, примеч. 76; с. 107, примеч. 115).

князю Михаилу Александровичу, но самый факт присылки Темир-Кутлуком ярлыка на Русь, отмеченный только в Тр. и отсутствующий во всем последующем летописании, весьма знаменателен.⁴²

Что касается Сим.—Рог., то там известие о сражении на Ворскле, помещенное под 6907 г. (1398 г. — в Сим.—Рог.: здесь впервые вводится сентябрьский календарный стиль),⁴³ начисто лишено той враждебности к Витовту, которая характерна для Тр.: в Сим.—Рог. только кратко указано, что «одоле царь Витовта» и что «безбожнии татарове побиша тогда князей литовских много»; о дальнейших действиях Темир-Кутлука ничего не сообщается.

Дальнейшее сопоставление трех основных летописных сводов первой половины XV в. затрудняется тем, что после начальных известий 6909 (1401) г. и до 6917 (1408—1409) г. в Рог. известия отсутствуют, а в Сим. здесь вставлен текст из Московского свода 1479 г. — очевидно, в общем оригинале Рог. и Сим. этого текста не было.⁴⁴ После 6909 г. в Рог. непосредственно следует рассказ 6917 (осени 1408) г. о нашествии Едигея, совпадающий с Сим., и, таким образом, общий протограф этих летописей снова становится доступным исследователю, но свод 1408 г. (Тр.), в котором рассказ о Едигее помещен под 6916 (1408) г., как раз на этом рассказе и поучении к нему и заканчивается.

Начало XV в. (в частности, 1401—1408 гг.) было ознаменовано борьбой за Смоленск и прилежащие к нему земли между Василием I и его тестем Витовтом. Судя по известию Карамзина, данному со ссылкой на Тр. (но без цитат), там сообщалось о взятии Вязьмы племянником Витовта Лугвением в 1403 г., о первой попытке Витовта в 1404 г. взять Смоленск и его отступлении после Святой недели. Далее Карамзин приводил прямую цитату из Тр. о том, что князь Юрий Смоленский, «сослався с князем великим, и выеха из города», приказав княгине и боярам «ждати себе на первый срок и на другой и на третий», но Витовт пришел к Смоленску; «граждане же, не могуще терпети изнеможения, град предаша».⁴⁵ Эта цитата до словно совпадает с текстом СИЛ—НИВЛ 6912 (1404) г.; можно полагать, что и все известие о взятии Смоленска заимствовано в СИЛ—НИВЛ из свода 1408 г. Но дальнейшая судьба князя Юрия, завершающая эту смоленскую эпопею, изложена в СИЛ—НИВЛ особенно подробно и красочно: под 6914 (1406) г. здесь повествуется о том, как Юрий Смоленский, находясь уже в изгнании, «уязвился оканным своим хотением» на жену своего вассала, также изгнанного князя Вяземского, а когда «предобрая мужелюбица» оказала ему сопротивление, убил ее и ее мужа. Рассказ этот был усвоен последующим летописанием, но в Тр. его, очевидно, не было, так как Карамзин (примеч. 196) ссылается в данном случае не на нее, а на летописи конца XV—XVI в. Рассказ о смерти Юрия в 6915 (1407) г., судя по цитате Карамзина из Тр., снова восходит в СИЛ—НИВЛ к своду 1408 г.

Последний рассказ, дающий возможность сравнить изложение Тр., Сим.—Рог., СИЛ—НИВЛ и последующих летописей, — это повесть о нашествии Едигея в 6916 (1408) г. на Москву (в Сим.—Рог. — сентябрьский

⁴² Далее в Тр. помещено еще одно известие о ярлыке тверскому князю — сыну Михаила Ивану в 6908 (1400) г. от нового царя Шанебека (Шадибека), читающееся также в Тверском сборнике и в Никоновской летописи (ПСРЛ. СПб., 1897. Фототип. переизд. М., 1965. Т. 11). С известием о победе Темир-Кутлука связано, может быть, помещение в Тр. рассказа о походе князя Семена Суздальского на Нижний Новгород в 6907 (1399) г. (а не в 6903 г., как в СИЛ—НИВЛ) — Семен «служил» Темир-Кутлуку.

⁴³ Ср.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 27 (Н. Г. Березков отмечал только хронологию Сим., но Рог. в этих случаях с ней совпадает).

⁴⁴ Ср.: К л о с с Б. М., Л у р ь е Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 113; ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 26.

⁴⁵ К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. 5. Примеч. 191.

6917 г.). В другой работе мы уже сравнивали описание этого события в летописях. В Сим.—Рог., как и в предыдущих случаях, рассказ об Едигее оказывается совершенно иным, чем в Тр.; в СІЛ—НІVЛ — третий, также самостоятельный рассказ, в основе которого лежит подлинный или легендарный «ярлык Едигея» Василию I. Повесть о Едигее из свода 1408 г., судя по цитатам из Тр., приведенным Карамзиным, воспроизведена «особой обработкой свода 1448 г.» и большинством последующих летописей; рассказ Сим.—Рог. получил частичное (в его начальной части) отражение в Тверском сборнике (текст Сим. был также — в соединении с другими летописными текстами — использован в Никоновской летописи).⁴⁶

После окончания Тр. (1408 г.) наиболее ранними летописными сводами, отражающими историю последующих лет, остаются Сим.—Рог. и СІЛ—НІVЛ. Под сентябрьским 6919 г. Сим.—Рог. и под мартовским 6918 (1410) г. СІЛ—НІVЛ сообщают о нападении нижегородских князей с татарами на Владимир. Известия эти совершенно не сходны по тексту и содержанию. В Сим.—Рог. здесь упоминаются безымянные «князи Новгородстии» — речь идет, конечно, о князьях Нижнего Новгорода, которые упоминаются далее в известии о сражении «на Лыскове» (под Нижним Новгородом) между братом Василия I Петром Дмитриевичем и «князми новгородскими», в котором нижегородские князья, очевидно, одержали победу: «...сташа же на костех князи новгородстии Нижнего Новагорода». В СІЛ—НІVЛ прямо назван князь, напавший вместе с татарами на Владимир, — «Данило Борисович, Нижнего Новагорода отчич», сын свергнутого Василием I Бориса Константиновича, но известия о сражении под Лысковым здесь нет.

Важные дополнительные данные о борьбе с нижегородскими князьями в 10-х гг. XV в. обнаруживаются в более позднем летописании.

Подробный рассказ о нападении 1410 г. на Владимир, в котором татарами предводительствовал «царевич» Талыч, появился в великокняжеском летописании второй половины XV в. В Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях (своде 1472 г.) он представляет собой интерполяцию, введенную, вместе с повестью о Едигее, в состав годовой статьи 6916 (1408) г. и дублирующую краткое известие 6918 (1410) г. об этом же событии, заимствованное из СІЛ. В Московском своде 1479 г. дублировка устранена и оставлен только подробный рассказ.

Летописное известие о нашествии Талыча (обычно в более сокращенном виде) читается в большинстве более поздних летописей, но известие о битве на Лыскове отразилось только в Тверском сборнике, связанном со сводом 1412 г., протографом Сим.—Рог., и в Никоновской летописи, непосредственно зависевшей от Сим. Однако порядок изложения обоих событий оказывается в этих летописях противоположным. В Тверском сборнике под 6918 г. сперва рассказывается (гораздо короче) о нападении на Владимир, а потом уже о сражении на Лыскове, в котором «мнози падоша от обоа страны, и разошася каждо во свояси». Никоновская летопись под 6919 г. сперва сообщает о битве на Лыскове, а затем уже включает (с обычными для этой летописи дополнениями) рассказ великокняжеских сводов о нападении Талыча (приведенного, как указано здесь, «князем Данило Борисовичем Нижнего Новгорода») на Владимир. Несколько далее в Никоновской помещено уникальное известие о походе суздальско-нижегородских князей в 6920 (1412) г. в Орду к Зелени-салтану (Джелаль-аддину, сыну Тохтамыша), который пожаловал «своей их отчиною».

Сопоставление этих известий особенно важно уже потому, что позволяет предполагать возвращение суздальских князей на какое-то время в Нижний Новгород — откуда, очевидно, и был предпринят поход на Владимир.⁴⁷

⁴⁶ Л у р ь е Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. С. 285—298.

⁴⁷ П р е с н я к о в А. Е. Образование Великоорусского государства. С. 281 (вопреки А. Е. Преснякову можно думать, что не большинство летописей «опускает» . .

Но каково происхождение данных известий? Известие о пожаловании нижегородских князей могло восходить к записям из сарайской епископии, внесенным в Никоновскую летопись.⁴⁸ Остальные известия Никоновской — явная контаминация Сим. и великокняжеского летописания. Но подробный рассказ о нападении Талыча на Владимир, появившийся в летописании уже во всяком случае к 1472 г., — иного происхождения. Нападение татар с помощью суздальско-нижегородских князей затрагивало интересы многих соседних земель, и рассказ этот вполне мог восходить не к московскому, а к летописанию других княжеств, в значительной степени не сохранившемуся.

После 1412 г. СІЛ—НІВЛ остаются как бы в одиночестве среди летописания первой половины века, а на 6926 (1418) г. обрывается общий протограф старшей редакции СІЛ и НІВЛ (в НК под 6926 г. читается еще известие о вокняжении Василия II, сходное с СІЛ младшей редакции). При освещении ряда важнейших событий тех лет, в частности, феодальной войны в Московском княжестве после смерти Василия I, мы не можем опираться на современные летописные источники. Но в НК—НІВЛ под 6929 (1421) г. и в приписке 6927 (1419) г. к одному из списков СІЛ старшей редакции читается известие, уже предвещающее эту войну: «князь великы Василей» хотел привести своего младшего брата Константина в зависимое положение от «сына своего князя Василия», а когда Константин отказался, он «отъима у него всю его отчину»; Константин отправился в Новгород.⁴⁹ Перед нами как раз начало спора о престолонаследии после Василия I, ставшего поводом к междоусобной борьбе.

* * *

Летописные своды первой половины XV в. — наиболее надежные источники по истории этого периода; подменять их более поздними летописями (такими как Воскресенская или Никоновская) без учета уже существующих текстологических работ или без новых исследований, на основании одних лишь общих соображений об их «вероятности», весьма рискованно. Но, конечно, фактическая информация, которую содержат ранние своды, далеко не полна и часто противоречива. Мы имели уже возможность убедиться в этом, сравнивая рассказы о русско-ордынских отношениях и присоединении Нижнего Новгорода в 1392 г. Очень многого мы не знаем и об отношениях между Москвой и другими русскими землями в конце XIV — первой половине XV в. Так, о войне Василия I с новгородцами за северные Двинские земли в 6906 (1398) г. и его поражении в этой войне, подробно описанной в НІЛ, ни Тр. (судя по тому, что Карамзин, общая об этом, ссылается только на Новгородскую и более поздние летописи),⁵⁰ ни Сим. — Рог. не сообщили ни слова. Известие об этих событиях появляется лишь в СІЛ—НІВЛ и вслед за ними — в более позднем общерусском летописании. Недостаточно известий и о судьбе суздальских князей после нападения на Владимир в 1410 г. В 6922 (1414) г. сын Василия I Юрий, согласно Тверскому сборнику, ходил на суздальских князей и отвоевал Нижний Новгород. Краткий ростовский свод, сохранившийся в Московско-Академической летописи, сообщает о приезде Даниила Борисовича в Москву в 6925 (1417) г. и его бегстве с братом из нее в 6926 (1418) г. Первое из этих известий есть и в Московском своде, СІЛ, Львовской и Воскресенской летописях, второе — в приписке к Карамзинскому списку СІЛ. Разобранные нами своды об этих событиях умалчивают.

известие о лысковском поражении», а что оно читалось только в своде 1472 г. и зависимых от него летописях).

⁴⁸ Ср.: К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 184.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 261. Текст известия 6927 г. в НІВЛ сходен с НІЛ.

⁵⁰ К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. 5. С. 98—100, примеч. 170—171.

Однако летописи — не только источники информации, но и «исторические остатки», памятники литературы и общественной мысли своей эпохи. В этом отношении летописание XV в., в частности первой его половины, исследовано совершенно недостаточно; для изучения политической идеологии того времени гораздо чаще привлекаются памятники, включенные в летописание значительно позже (например, повести о Темир-Аксаке). А между тем рассмотрение сводов первой половины XV в. как литературно-идеологических памятников дает важные результаты. Наиболее определенно установлен характер свода 1408 г., отразившегося в Тр. И до 6898 (1390) г. и после этого года Тр. представляет собой летописный свод, связанный со двором митрополита Киприана, занявшего после смерти Дмитрия Донского вполне лояльную позицию по отношению к московским князьям. Текст Сим.—Рог. до 6900 г. идентичен с Тр., но существенные различия между Тр. и Сим.—Рог. после 6900 г. уже побудили исследователей прийти к выводу, что в основе этих летописей лежала особая редакция общерусского свода, составленная около 1412 г. в Твери. Что же это был за памятник? Уже М. Д. Приселков высказал предположение, что рассказ о Едигее в своде 1412 г. «был составлен в Твери, едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то политического деятеля».⁵¹ Л. В. Черепнин также связывал известия протографа Сим.—Рог. с Тверью и считал, что они отражали «политические тенденции тверских феодалов», голос оппозиционных кругов «части боярства», «старой боярской знати».⁵² С этим невозможно согласиться. Своеобразие свода 1412 г. заключается как раз в том, что он не отражает воззрений какой-либо отдельной группы феодалов — московской или тверской. Составленный после нашествия Едигея, обнаружившего опасность соглашений с Ордой и вызвавшего бегство жителей московских земель в Тверь, свод этот мог себе позволить относительно беспристрастную позицию по отношению ко всем княжеским домам начала XV в. Это обнаруживается уже в рассказе Сим.—Рог. о присоединении Нижнего Новгорода. Автор рассказа принимает версию, согласно которой Нижний Новгород еще в 1392 г. был уступлен Тохтамышем Василию I и, следовательно, присоединен без войны. Характерно в этом отношении и окончание рассказа 6900 (1382) г.: после присоединения Нижнего Василий I возвращается в Москву (видимо, из второй поездки в Орду): «Посажен богом и царем, Тактамышь придасть ему царь к великому князю Новгород Нижний со всем княжением, и бысть радость велика в граде Москве о приезде его». А. Е. Пресняков справедливо усмотрел в этих словах отзвук «только что пережитой тревоги» москвичей по поводу происшедших событий.⁵³ Но наряду с этими чертами рассказ обнаруживает как бы второй слой повествования, резко критический по отношению к Василию I и его боярам. Сим.—Рог. признает, что Василий I выпросил Нижний «на кровопролитье, на погибель христианскую»⁵⁴ и что нижегородский боярин Василий Румянец, предавший Бориса Константиновича, был «ненавистник божий и друг дьяволь», подобный «древнему Буту» (Блуду — из Повести временных лет). Л. В. Черепнин считает, что нижегородские бояре, верные Борису Константиновичу, стремились «поддержать и использовать в своих интересах лозунги национально-освободитель-

⁵¹ Приселков М. Д. История русского летописания. С. 116.

⁵² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 655, 727.

⁵³ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 277, примеч. 1.

⁵⁴ В Тверском сборнике вместо формулы Сим.—Рог.: «. . . нача просити. . . на кровопролитье, на погибель христианскую» читается: «. . . преможе бо многое събрание на кровопролитие». А. Е. Пресняков склонен видеть в этих словах «указание на отклоненную переговорами угрозу татарского нашествия» (Образование Великорусского государства. С. 277, примеч. 1). Но текст Тверского сборника XVI в. более поздний по сравнению с текстом Сим.—Рог. и содержит явно искаженную и усеченную формулу оригинала.

ного движения, направив его по линии борьбы с московской великокняжеской властью и ее представителями под тем предлогом, что последние являются в сопровождении ордынского посла»; автор повести в Сим.—Рог. — «сторонник раздробленности».⁵⁵ Так ли это? Ведь сводчик 1412 г. на горьком опыте похода Едигея имел уже возможность убедиться, как опасно и ненадежно опираться в междукняжеских раздорах на ордынскую милость и помощь и какой сложной оказалась дальнейшая борьба за Нижний Новгород.⁵⁶

Рассказы о присоединении Нижнего Новгорода и о нашествии Едигея в Сим.—Рог. свидетельствуют не о том, что автор был идеологом оппозиционного боярства и «сторонником раздробленности». Напротив, он стремился к единению Руси перед лицом внешней опасности и старался извлечь уроки из опыта двух десятилетий (с 1392 по 1412 г.). Не выражал он и «политические тенденции тверских феодалов». Характерно в связи с этим, что, рассказывая под 6908 (1400) г. о тверских династических распрях, о намерении великого князя Ивана Михайловича «свою братью обидети» и о предательском поведении одного из бояр его брата и соперника Василия, Сим.—Рог. сравнивает этого боярина, как и Румянца в рассказе о нижегородских событиях, с «древним Бутом» (Блудом). Очевидно, создатель свода 1412 г. имел основание заявить под 6917 г., в одной из последних статей свода, что он пишет «неговейне» (непочтительно) о князьях, «не досаждающе, не завидяще чести вашей», но следуя примеру столь же непримиримого обличителя княжеских беззаконий — великаго Селивестра Выдобажьского», — по его представлению, автора Повести временных лет.

Создание единого Русского государства в XV в. осуществилось под властью московских князей; исследователям казалось поэтому естественным искать истоки национально-объединительной идеологии в московской литературе и публицистике конца XIV и XV в. Но вне Москвы тяга к этому объединению была не меньшей, а часто более острой, чем в центре. Московские и тверские книжники, встретившиеся после нашествия Едигея в Твери, должны были об этом думать в первую очередь.

Составители «свода 1448 г.», лежащего в основе СИЛ и НИВЛ, работали в условиях, во многих отношениях схожих с теми, в которых оказались их предшественники в 1412 г. После 1425 г. неоднократно совершались нападения ордынских «царевичей» на Русь, шла междукняжеская борьба, и, что особенно важно, Московское княжество было надолго ослаблено многолетней борьбой за великокняжеский престол. Непосредственной связи между сводами 1412 и 1448 гг. не было; в СИЛ—НИВЛ мы находим заимствования из свода 1408 г. (Тр.), но не из Сим.—Рог. В отличие от свода 1412 г., только с 1390 г. обнаруживающего оригинальные черты, а в предшествующей части опиравшегося на митрополичий свод Киприана, протограф СИЛ—НИВЛ на всем своем протяжении резко отличался от всего предшествующего летописания и был порождением колоссального труда его составителей. По всей видимости, труд этот был создан в важнейшем культурном центре той поры — митрополичьей канцелярии, но само

⁵⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 470—471.

⁵⁶ Считая свод 1412 г. отражением идеологии «представителей господствующего класса, которые сделались жертвой неумолимого хода истории», Л. В. Черепнин приводил в подтверждение этому также эпитафию умершему в Москве многолетнему противнику Василия I Семену Дмитриевичу Суздальскому (Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 707), читающуюся в Сим. под 6910 (1402) г. Но содержался ли этот текст в общем протографе Сим.—Рог.? М. Д. Приселков (Троицкая летопись. С. 455—456) возводил его к Тр., но у Карамзина (примеч. 146) соответствующая цитата не аннотирована; в Рог. ее нет, а в Сим. она находится в разделе, заимствованном из Московского свода, скорее это — язвительная эпитафия суздальскому князю, высказанная великокняжеским летописцем.

положение митрополии в эти годы было весьма трудным. В 1430 г. умер митрополит Фотий; в 1433—1435 гг. митрополичий престол занимал смоленский епископ Герасим, не поехавший на Москву из-за того, что там (по сообщению псковского летописца) «князи великий заратипаса между Москвою»; в 1437—1441 гг. митрополитом стал Исидор, подписавший Флорентийскую унию и вынужденный после этого покинуть Русь. Новый митрополит Иона был избран лишь в 1448 г. Таким образом, митрополичий двор все эти годы не так зависел от Москвы, как в предшествующее время; и Герасим и Исидор были не менее тесно связаны с Новгородом и Псковом.

Отсюда — ряд своеобразных черт «свода 1448 г.». Независимый от тверской редакции общерусского свода 1412 г., составитель его поместил, однако, ряд важнейших известий из истории этого княжества. Под 6907 (1399) г. в Сим.—Рог. читается некролог тверскому князю Михаилу Александровичу; в Тр. его, по всей видимости, не было.⁵⁷ СИЛ—НИВЛ под 6907 (1399) г. посвятили смерти этого князя обширную повесть, текстуально не связанную с Сим.—Рог. и восходящую, возможно, к какому-то внелетописному источнику. А в предшествующем тексте здесь, впервые в общерусском летописании, были помещены рассказы о мученической смерти в Орде деда Михаила Александровича в 6827 (1319) г., о тверском восстании против Щелкана в 6835 (1327) г. и казни Александра Михайловича в 6839 (1331) г. — рассказы, восходящие к тверским и частью к псковским летописям.

Но главной особенностью «свода 1448 г.» было введение в общерусское летописание обширного фонда новгородских известий. Позиция сводчика в изложении московско-новгородских конфликтов была очень своеобразной. В общем, он скорее сочувствовал московскому великому князю (и особенно митрополиту), но старался выдержать максимальную объективность. Он впервые сообщил о поражении Василия I на Двине в 6906 (1398) г., о котором умалчивали свод 1408 г. и тверская редакция общерусского свода 1412 г., но, сообщая об этом на основании НИЛ, сильно сократил рассказ своего источника и устранил его резкие новгородские тенденции. На всем своем протяжении свод 1448 г. постоянно напоминал, опираясь не только на новгородские, но и на иные источники, о праве Новгорода изгонять своих князей и приглашать новых. Идея местной автономии неразрывно связывалась у составителей этого памятника с осуждением междукняжеской вражды и национально-освободительными идеями, еще более резко выраженными, чем в своде 1412 г.

За время, истекшее между составлением сводов 1412 и 1448 гг., русская политическая мысль пережила важную эволюцию. Сводчик 1412 г. обличал «самочинство» современных ему князей, отвергающих поучения «искуснейших старцев» и следующих безрассудным советам «юных».

В отличие от Сим.—Рог. протограф СИЛ—НИВЛ намечал уже определенную теорию идеального устройства будущего государства: единая Русь, свободная от чужеземного ига, но сохраняющая некоторую автономию отдельных земель.⁵⁸ Но теория эта оказалась очень далекой от реально осуществлявшейся политики: объединение произошло путем установления «единодержавной» власти, решительно отвергшей местную автономию.

Однако объединение это не могло бы совершиться, если бы к нему не стремились жители самых различных земель раздробленной страны. Наиболее выразительными свидетельствами такого стремления служат тверская редакция общерусского свода, составленная в 1412 г., и свод 1448 г.

⁵⁷ М. Д. Приселков ввел в реконструкцию этот некролог из Воскресенской летописи (Московского свода) (Троицкая летопись. С. 451—452), но Н. М. Карамзин ссылался в этом случае на «Лет(описи) Никон(овская), Ростов(ская) и другия» (примеч. 183).

⁵⁸ Л у р ь е Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 104—107, 118—121; 2) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. С. 303—304.